

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ВОССТАНИЯ 1921 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ РУНЕТА)

Автор на примере Западно-Сибирского восстания рассматривает последствия «цифровой революции» для профессиональной историографии и массового сознания. Несмотря на ожидания демонизации написания истории, концепция восстания задается институционализированными историками, однако в силу значительного разрыва между ними и основной массой пользователей Интернета определяющую роль в трансляции образов восстания «в массы» сегодня играют публицисты. В процессе трансляции образов происходит существенное искажение исторического нарратива, порождающее такое явление как «виртуальная Гражданская война». Историки могут снизить накал политических страстей, выйдя в интернет с качественным контентом.

Ключевые слова: Цифровая революция, профессиональная историография, Западно-Сибирское восстание 1921г., информационные пласты, образы восстания, «места памяти», «виртуальная Гражданская война».

Данные об авторе: Бородин Дмитрий Юрьевич, старший преподаватель кафедры социологии Тверского государственного университета, магистр общественных наук по направлению «Сравнительная история стран Восточной и Центральной Европы» (Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия 1997г.), аспирант Тверского государственного университета по специальности 07.00.09. 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33; odinbor@mail.ru.

Бурное развитие информационных и коммуникационных технологий на рубеже XX – XXI вв. способствовало изменениям многих сторон общественной жизни, не осталось в стороне и историческое знание. Историкам еще предстоит осмыслить значение этой трансформации. Хотя, уже сегодня очевидно, что наряду с предоставлением новых возможностей, таких как доступ к значительному объему необходимых информационных ресурсов, повышение скорости коммуникации с коллегами, участие в он-лайн конфе-

ренциях и вебинарах и т.д., «цифровая революция» предъявляет к исторической науке и новые требования.

Один из самых серьезных вызовов, с которым сталкивается профессиональная историография в век интернета – это утрата монополии на производство исторического знания. С одной стороны, упрощается доступ к историческим источникам, многие из которых оцифровываются и выкладываются в сеть. Сегодня для получения информации достаточно одного клика от заинтересованного пользователя сети. Это означает, что любой желающий может стать исследователем и высказать свои суждения по поводу прошлого. С другой стороны, исследовательская продукция – тексты, выкладывается в интернет на всеобщее обозрение и любой может использовать ее по своему усмотрению. В результате историческое знание все чаще предстаёт перед нами не только в традиционной форме монографий и научных статей, но и в форме виртуального гипертекста (или, скорее в форме нескольких кластеров гипертекстов), который может редактировать каждый, у кого есть доступ к интернету¹.

В этом смысле относительная доступность электронных ресурсов и лёгкость размещения практически любого контента в глобальной сети позволяют говорить о неожиданной реализации лозунга: «каждый сам себе историк», некогда провозглашённого Карлом Л. Беккером. В новых условиях историки-профессионалы утрачивают монополию на производство знаний, для многих людей возникает возможность быть услышанными и увиденными, создаётся впечатление, что история (ре-)конструируется снизу. Однако, не достаточно констатировать, что благодаря новым технологиям, происходит демократизация и демонополизация исторического знания. Оба эти процесса имеют и обратную, менее приглядную сторону – демократизация оборачивается «массовизацией» исторического знания, снижением его качества, превращением в продукт массовой культуры. В силу того, что этот процесс протекает на фоне кри-

¹ См. об этом, например, *Зими́на Л. В.* 2002, 65.

зиса института образования, в общественном сознании происходит размывание границ между научной истиной и художественным вымыслом. В свою очередь это влечет за собой обесценивание значимости индивидуального авторства и стирание граней между различными жанрами текстов. Более того, для неискущённого в историографии пользователя интернета, обращающегося с запросом к поисковой системе в надежде найти ответ на волнующий его вопрос о прошлом, часто не существует принципиальной разницы между монографией авторитетного учёного и рефератом, скомпилированным из второсортных учебников, опубликованных двадцать лет назад².

Демонополизация исторического знания, в свою очередь, чревата перспективами преодоления пресловутой «власти эксперта». В результате чего каждый пользователь сможет внести свой посильный вклад в создание исторического нарратива, масштаб которого может варьироваться от автобиографии до всемирной истории. Этот процесс, как предупреждал П. Бурдье в своих рассуждениях о науке, приведет к утрате монополии на научный авторитет, историк утратит право легитимно говорить от имени науки, что сразу же подстегнет развертывание конкурентной борьбы за контроль над прошлым, который, в свою очередь, позволит обеспечить контроль над массовым сознанием³.

Для того чтобы убедиться в справедливости подобного прогноза и выявить некоторые особенности восприятия новой формы исторического знания – виртуального гипертекста массовым сознанием, рассмотрим на конкретном примере вопросы, связанные с характером репрезентации прошлого в глобальной сети.

В качестве проблемы для анализа использована история Западно-Сибирского восстания 1921 г., являющаяся предметом научных интересов автора данной статьи.

Изучение западносибирских событий историками началось ещё в ходе восстания и к настоящему времени

² Тетеревлева Т., Реут О. 2011, 66.

³ См. Бурдье П. 2002(1); Кошовец О. Б. 2008.

в отечественной историографии накоплен существенный материал по разным аспектам данной темы⁴. Начиная с конца 1990-х годов информация, связанная с историей Западно-Сибирского восстания 1921 г. появляется в интернете. За последние 15 лет её объём постоянно возрастал, хотя темпы этого роста были неравномерными. В результате из периферийного исторического события советской истории Западно-Сибирское восстание превратилось в один из ключевых эпизодов последнего этапа Гражданской войны в России.

Сегодня человек, интересующийся данным восстанием, может использовать интернет как средство коммуникации с теми, у кого сходные интересы; как справочник, позволяющий быстро найти нужную информацию; как библиотеку, чтобы ознакомиться с трудами коллег; реже как архив (в ограниченном количестве в сети имеются и публикации источников); кинозал (есть возможность просмотра двух документальных фильмов о восстании) или музей (можно найти визуальные образы экспозиций, посвященных восстанию, созданных несколькими региональными музеями). Уже простое перечисление возможностей, открывающихся перед исследователем, даёт представление о том, какой обширный и разнообразный материал по данной теме выложен сегодня в глобальной сети. Однако, поиски необходимого материала затруднены стихийным характером формирования контента в интернете.

В какой-то мере эту проблему для пользователя решают поисковые системы. В ходе сбора материалов для написания данной статьи автор использовал три наиболее популярные среди массовых пользователей Рунета поисковые системы – *Google, Yandex и Rambler*. Впрочем, и поисковые системы не гарантируют высокого качества информации, поскольку они ведут поиск по формальным критериям – прежде всего, по ключевым

⁴ См. Шишкин В. И. 2001.

словам. Между тем, материалы, посвящённые Западно-Сибирскому восстанию 1921 г., представленные в интернете, могут существенно различаться по характеру, происхождению, уровню компетентности автора, целям и т.д. На сегодняшний день все их можно условно разделить на пять уровней.

Первый пласт представляет справочная информация – различные онлайн словари и энциклопедии. Практически всегда поисковые системы в первую очередь предлагают пользователю изучить вопрос с помощью *Википедии*. Однако, «открытый» характер данного источника не позволяет отнести его к числу авторитетных с научной точки зрения. Поскольку, как предупреждают редакторы этого ресурса, информация в нём приводится без каких-либо ссылок на источники. В то же время, это наиболее востребованный пользователями источник знаний о восстании. В нём отражается пласт представлений о нём, сформировавшихся за последнее десятилетие в научном сообществе. Энциклопедии, *Википедия* закрепляет господство дискурса, доминирующего в профессиональной историографии. В тоже время анонимному автору (или авторам) не удалось сформулировать целостной концепции движения, несмотря на то, что текст содержит большое количество заимствований из работ, ведущих специалистов по данной теме и изобилует цитатами из случайно подобранных ранее публиковавшихся архивных документов⁵. Ограниченность данного ресурса делает и отсутствие анализа источников и историографии восстания, а также перечня спорных вопросов.

К сожалению, авторы справочных ресурсов не всегда соответствуют даже далеко небезупречному уровню *Википедии*. Так, например, составители «Современной энциклопедии» умудрились в пяти строчках, посвященных восстанию, сделать две фактические ошибки, чем продемонстрировали полное незнание современной исто-

⁵*Википедия*. Западно-Сибирское восстание 1921-1922гг. 2014.

риографии вопроса⁶. Очевидно, что справочная статья была написана без тщательного изучения специальных исследований по данной теме. Между тем, подобная литература в Интернете вполне доступна.

Второй пласт составляют электронные публикации профессиональных историков, специально занимавшихся изучением проблем Западно-Сибирского восстания 1921 г. Эти работы, в основном, представляют собой оцифрованные версии статей, появившихся ранее в научных журналах и сборниках, изданных по итогам конференций, а также работы, размещённые на специальных интернет-ресурсах, таких как «Сибирская заимка» или электронные библиотеки крупных вузов. По своему характеру данные труды ничем не отличаются от традиционных академических статей – в них присутствует необходимый справочно-ссылочный аппарат, чётко выстроенная аргументация и системность изложения. Чаще всего в Рунете можно встретить работы таких авторитетных специалистов в этой области как В. И. Шишкин, Н.Г. Третьяков, А.А. Петрушин, И. В. Курышев, В. А. Шулдяков⁷. Эти историки в 1990-е – первой половине «нулевых» годов сделали многое для критического переосмысления канонической советской доктрины Западно-Сибирского восстания 1921 г. и разработали основы постсоветской концепции. Так как она сегодня доминирует в научной литературе, имеет смысл хотя бы кратко остановиться на ее основных положениях.

На сегодняшний день в отечественной историографии наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой массовый протест был вызван «военно-коммунистическими» мероприятиями и произволом властей. Серия локальных и несвязанных между собой восстаний прокатилась в конце декабря 1920 – январе 1921 года по Ишимскому, Тюменскому и Ялуто-

⁶ *Современная энциклопедия. Западно-Сибирское восстание 2000.*

⁷ См., например, *Курышев И. В. 2001; Петрушин А. А. 2005; Третьяков Н. Г. 2011; Шишкин В. И. 2000; Шулдяков В.А. 2002.*

ровскому уездам Тюменской губернии, а также по Тарскому и Тюкалинскому уездам Омской губернии.

Территориальный размах движения в период его восходящей фазы выводит его в число одного из самых заметных событий последнего этапа Гражданской войны в России. В феврале-марте повстанцы контролировали Петропавловский (Омская губ.), Тобольский (Тюменская губ.) уезды, а затем и в Кокчетавский (Омская губ.), активно действовали в Курганском (Челябинская губ.), Шадринском и Камышловском (Екатеринбургская губ.) уездах. Сельская местность фактически вышла из-под влияния большевиков. Восставшие, захватив и удерживая почти три недели обе ветки Транссибирской железной дороги, в феврале прервали сообщение Сибири с центром страны. В результате поставили под угрозу снабжение продовольствием Москвы, Петрограда, уральских промышленных центров и частей Красной армии. Кроме того, повстанцам удалось на короткий срок занять уездные центры Омской губернии (Петропавловск и Кокчетав) и более чем на три недели утвердиться в Тобольске. Под угрозой захвата находились Ишим, Ялуторовск и Курган. Советское командование было вынуждено задействовать силы двух военных округов для того, чтобы переломить ход борьбы и подавить восстание.

Вопрос о численности участников восстания остается открытым, поскольку состав повстанческих отрядов, не был постоянным из-за высокой «текучести кадров». Он известен только приблизительно, по разведывательным сводкам, поступавшим в большевистские органы власти. По разным оценкам, общая численность активных участников движения колеблется от 40 до 100 тыс. человек. В некоторых работах указывается цифра 55–60 тыс. человек⁸. Несмотря на то, что далеко не все сельские жители Западной Сибири приняли участие в движении, оно отличалось значительной массовостью и упрством.

⁸ Геллер М. Я., Некрич А. М. 1995, 104.

Лишь к середине февраля 1921 г., благодаря привлечению значительных сил регулярной Красной армии, большевистским властям удалось добиться перелома в охваченных восстаниям районах. Они взяли под свой контроль линии Транссиба Омск-Челябинск и Омск-Тюмень. Тем не менее, несмотря на острую нехватку огнестрельного оружия и патронов в повстанческих формированиях, упорное сопротивление в крупнейших очагах восстания продолжалось до начала мая 1921 г. После этого вплоть до 1922 г. борьбу с коммунистическим режимом продолжали партизанские отряды.

Большевистское руководство, столкнувшись с острейшим внутривластным кризисом, одним из проявлений которого стало Западно-Сибирское восстание, было вынуждено пересмотреть свою политику. Но даже после принятия решений X съезда РКП (б), обстановка в Западной Сибири летом и осенью 1921 г. оставалась напряженной. Главной причиной этого были репрессии в отношении населения со стороны властей и усиливающаяся хозяйственная разруха. Только к началу 1922 г. власти сумели окончательно ликвидировать последние очаги восстания. Несмотря на объявленные амнистии, его участники подвергались преследованию в 1920-х гг., а многие были репрессированы во второй половине 1930-х.

Если бы в интернете были представлены только работы вышеупомянутых профессиональных историков, то можно было бы говорить лишь о технологической революции в презентации результатов исторического исследования. Однако, удельный вес этих публикаций в общей массе контента по данной проблематике относительно невелик. Необходимо принять во внимание, что тексты, написанные историками, специализирующимися на изучении Западно-Сибирского восстания, не были созданы специально для размещения в интернете. Они являются лишь электронной версией ранее опубликованных работ. Указанные труды сложны для массового восприятия, как в силу объема и обилия деталей, так и в силу своей ориентированности на академическое сооб-

щество. Они выступают концептуальной и фактографической основой справочных ресурсов, входящих в первый информационный пласт и для более многочисленных работ, составляющих третий пласт публикаций по истории Западно-Сибирского восстания.

Эту третью группу мы обозначим, как публицистические работы, подразумевая под этим, прежде всего, выражение авторского мнения по общественно значимым вопросам. Подобные работы, как правило, отличает заметная эмоциональная окрашенность, субъективность и практически повсеместное отсутствие справочного аппарата. В то же время такие тексты нередко привлекают внимание читательской аудитории образностью речи и богатым фактическим наполнением.

В значительной степени именно данный пласт литературы выступает транслятором идей, выработанных в академической науке, в массовое сознание. Однако, в результате этой трансляции происходит существенное искажение первичного научного материала.

Во-первых, даже в тех редких случаях, когда публицисты изучают архивные документы, они подходят к материалу не систематично, а избирательно, стремясь произвести впечатление на свою аудиторию. Для историка исследование – основное занятие, для публициста основным занятием является публикация своего мнения по разным темам.

Во-вторых, и это чрезвычайно важно, публицистические тексты отличаются от научных еще и тем, что в них в центре внимания всегда оказываются злободневные проблемы современности. Прошлое интересует их авторов лишь как средство достижения определённых (как правило, политических) целей в настоящем. В публицистике научные концепции превращаются в наборы идеологем – т.е. «вербально выраженных политических или политизированных идей»⁹, а логические аргументы уступают место образам.

⁹ Купина Н. А. 2000, 182-183.

В этой связи можно согласиться с А.А. Золотухиным в том, что «всё вбирающим слоем произведения публицистического является образ времени, наполненный социальной конкретикой, прорастающий из всех образных уровней: деталей, сюжета, характеров. Публицист, пишущий «историю современности», в итоге создаёт и образ времени»¹⁰.

В случае с Западно-Сибирским восстанием подобные «образы времени» чаще всего создают журналисты, краеведы и блогеры – люди непосредственно заинтересованные в привлечении внимания общественности к событиям прошлого и активизации общественного мнения с целью улучшения настоящего во имя будущего¹¹. С историей происходит то, что П. Бурдые в свое время обозначил как «медиатизацию» социальных наук¹². Суть данного процесса состоит в том, что с одной стороны, журналисты вторгаются в предметное поле гуманитарного знания, предлагая свое часто поверхностное понимание сути изучаемых проблем и навязывая свои суждения массовой аудитории; с другой стороны, сами профессионалы-обществоведы становятся «медийными фигурами». В результате происходит стирание граней между журналистами и исследователями и возникают «публицисты»: «лица, обладающие учеными степенями, которые стремятся сделать карьеру новыми средствами, с помощью внешней поддержки и легитимации со стороны масс-медиа»¹³.

В отличие от этих эмоциональных публикаций, четвёртый пласт содержит «сухую» информацию и пополняется новыми материалами с весьма прагматичной целью. Этот пласт, несмотря на свой значительный удельный вес, гораздо менее доступен для изучения, чем вышеупомянутые три. Речь идёт о так называемом «коммерческом» и

¹⁰ Золотухин А. А. 2010, 135.

¹¹ См., например, Букин О. 2011; Крамор Г. 2011; Рошаль С. 2013.

¹² Бурдые П. 2002 (2). 16.

¹³ Шматко Н.А. 2002. 6.

«некоммерческом» образовательном контенте – это рефераты, курсовые, дипломные и реже диссертационные работы разного уровня по проблематике Западно-Сибирского восстания 1921 г. Доступ к ним пользователь чаще всего может получить за определенное вознаграждение. Феномен размещения в интернете готовых письменных работ, как на коммерческой, так и на безвозмездной основе, пересекается с проблемой интернет-пиратства и нуждается в специальном социологическом исследовании. Мы здесь отметим только то, что данные работы, как правило, эклектичны и не имеют научной ценности, а в некоторых случаях вообще являются плагиатом¹⁴.

Несмотря на то, что в сети удельный вес вышеперечисленных четырёх групп информации об истории Западно-Сибирского восстания значительно выше, чем удельный вес последнего – пятого пласта, наибольший интерес для исследователя сегодня представляет именно он. Дело в том, что этот пятый пласт является не только своеобразным срезом массового общественного сознания, позволяющим судить о том, что остаётся в голове у среднестатистического человека после воздействия информационной среды, но и иллюстрирует новые возможности этой информационной среды по (ре)конструированию истории снизу. Этот пласт включает в себя записи в блогах, дискуссии на различных Интернет-форумах, пользовательские web-страницы и сайты, содержащие собственные суждения пользователей, их оценки Западно-Сибирского восстания и реакцию на творчество историков и публицистов.

¹⁴ По этическим соображениям и, чтобы не рекламировать информационные ресурсы, предоставляющие возможность приобрести или скачать бесплатно готовые работы по истории Западно-Сибирского восстания 1921 г., мы не указываем здесь их электронные адреса, но для того, чтобы убедиться в обилии подобных возможностей в сети, достаточно лишь набрать в поисковой системе «Западно-Сибирское восстание 1921 г. реферат».

Обращает на себя внимание относительно немногочисленность ресурсов, на которых обсуждается история восстания. Через поисковые системы *Google*, *Yandex* и *Rambler*, путём ввода запросов «Западно-Сибирское восстание 1921 г.», «Западно-Сибирский мятеж» и т.д., нами было выделено девять авторских блогов с форумами, четыре веб-страницы и группа в социальной сети «*ВКонтакте*».

В целом, активность обсуждения истории западно-сибирских событий невысока, что особенно заметно по группе «*ВКонтакте*». Она была создана в августе 2009 г. с целью «популяризация истории Западно-Сибирского восстания и истории Сибири вообще». За время своего существования группа привлекла внимание около двадцати человек, из которых в обсуждении приняли участие всего пятеро¹⁵. Но, несмотря на свою малочисленность и короткий период активности, она, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует основные особенности восприятия истории Западно-Сибирского восстания массовым сознанием. Таких особенностей две:

во-первых, высокий пласт интернет-зависимости, выражающийся в том, что эти люди ежедневно значительную часть своего времени проводят «он-лайн»;

во-вторых, низкий пласт историографической культуры, проявляющийся, в частности, в незнании процедур научной критики исторических источников и непонимании отличий между научной литературой и пуб-

¹⁵ Одна из возможных причин того, что группа не вызвала особого интереса у пользователей – её изначальная ориентация на академичность. Инициатор создания группы сразу же разместил в ней выдержки из статьи ведущего специалиста по данной теме В. И. Шишкина «К вопросу о новой концепции Западно-Сибирского мятежа» и ссылку на сайт электронного журнала «Сибирская заимка», где со статьей можно было ознакомиться в полном объеме. Другая причина – группа никак не позиционировала себя в политическом пространстве, а Интернет-сообщество, как будет показано ниже, крайне болезненно воспринимает «нейтралитет» там, где идет по меткому определению одного из блогеров, «виртуальная Гражданская война».

лицистикой¹⁶. Создается впечатление, что, в отличие от публицистов, хотя бы поверхностно знакомых с научной литературой по проблеме, многие блогеры и участники форумов судят о ней только по статье в *Википедии* и работам публицистов.

Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что появление возможности анонимно обсуждать исторические события с широкой аудиторией, высказывать сомнения и предлагать собственные интерпретации с учётом личного опыта позволяет в определённом смысле установить обратную связь между академической наукой и общественным сознанием.

Именно эта обратная связь представляется нам наиболее серьёзным последствием цифровой революции для исторической профессии. В тоже время, как будет показано ниже, это завоевание революции сигнализирует нам о том, что разрыв между академической наукой и массовым сознанием отнюдь не сокращается. В этой связи повышается роль публициста-посредника, способного транслировать идеи академического сообщества по поводу конкретного исторического события в массы. Как уже было отмечено, в публицистическом пласте историографические концепции превращаются в идеологии, а аргументы – в образы. При этом не играет роли, кто выступает публицистом – журналист, историк или краевед-любитель. Анализ контента Рунета, посвященного Западно-Сибирскому восстанию 1921 г., позволяет выделить восемь наиболее часто применяемых публицистами образов этого движения.

Первый образ, широко применяемый к Западно-Сибирскому восстанию и восходящий ещё к историографии конца 1980-х – начала 1990-х, это образ «загадочного, малоизученного исторического события». Журналистка О. Ожигбесова пишет: «ни в одном учебнике истории вы не найдете ни строчки об этой страшной, кровавой эпопее, которую официальные идеологи

¹⁶ См., например, *Блог пользователя yaroslavz* . 2010.

Советской власти называли кулацко-эсеровским мятежом, старательно избегая разговора и о причинах, которые его вызвали, и о последствиях... для широкой общественности оно до сих пор остается «белым пятном» в истории не только Сибири, но и России в целом»¹⁷. Несмотря на то, что за последние 20 лет количество публикаций по истории Западно-Сибирского восстания значительно возросло, и оно сегодня уже упоминается в качественной учебной литературе¹⁸, ореол таинственности не исчез. Самое интересное, что и участники интернет-форумов, многие из которых учились в школе ещё в советское время, склонны рассматривать эти исторические события как малоизвестные. Например, на форуме бывшего советника Президента РФ А. Илларионова в «Живом журнале» Западно-Сибирское восстание появилось в списке событий, характеризующихся как «Силовое сопротивление граждан бандитскому режиму» только после напоминания одного из участников обсуждения¹⁹.

Второй образ, представленный во многих публицистических заметках — это образ восстания как стихийного события. Следуя за доминирующим сегодня в отечественной историографии направлением, публицисты склонны видеть в Западно-Сибирском восстании 1921 г. спонтанный взрыв массового недовольства социально-экономической политикой большевистского режима, а не результат деятельности антикоммунистических политических сил. «Восстание стало стихийным взрывом на почве недовольства широких слоев населения политикой государства, обрекающей его на разорение и голод. Роль ячеек «Сибирского Крестьянского Союза» здесь нельзя преувеличивать, как это делали в своей пропаганде коммунисты, утверждая, что они обманули тёмное,

¹⁷ Ожгибесова О. 2006.

¹⁸ См., например, Кузнецов И. Н. 2003, 87.

¹⁹ Илларионов А. 2012.

несознательное население. Стихия сама несла эсеров, они лишь пытались ввести её в организованное русло»²⁰.

Некоторые публицисты даже склоняются к тому, что стихийный протест сибирского крестьянства таил в себе «мощный самоуправленческий потенциал, который мог бы быть реализован в случае успеха восстания»²¹. Необходимо заметить, что, отношение к данному образу является одним из способов политической идентификации пользователей Рунета. Оно выступает одним из водоразделов – те, кто не разделяет данную позицию, как правило, придерживаются коммунистических взглядов, или просто отождествляют себя с советским прошлым.

Третий культивируемый публицистами образ восстания связан с его масштабом. Западно-Сибирское восстание предстаёт перед пользователями Интернета как «самое массовое крестьянское движение протеста». Как правило, публицисты, вслед за либерально настроенными историками 1990-х гг., склонны преувеличивать степень его массовости. В отличие от историков, которые подвергают данный тезис серьёзному переосмыслению и указывают, что далеко не всё население приняло участие в движении, публицисты продолжают вдохновенно транслировать миф о всенародном (т.е. в их понимании – «поголовном») характере движения. Приведём ещё одну цитату из работы И. Подшивалова: «В ряде районов в крестьянском движении приняли поголовное уча-

²⁰ Подшивалов И. 2009. «Сибирский крестьянский союз» – созданная правыми эсерами в ряде городов Сибири политическая организация для работы в с массами в условиях утверждения однопартийной системы. Советская историография объявила «Сибирский крестьянский союз» организатором «Западно-Сибирского эсерово-кулацкого мятежа», но в постсоветское время историки не нашли документального подтверждения этому. Напротив, было установлено, что ячейки союза чаще всего существовали в губернских и уездных центрах, не сумев проникнуть в сибирскую деревню.

²¹ Магид М. 2003.

стие все мужчины. Даже в оперсводках красных частей отмечаются упорство и самоотверженность повстанцев, поддержка их населением и враждебность населения к Красной Армии. Поэтому Западно-Сибирское восстание было массовым антикоммунистическим движением... В некоторых уездах оно было просто слишком быстро подавлено, не успев развернуться. В других же оно было практически всеобщим. Даже не учитывая, что оно началось с женских бунтов, в казачьих станицах, например, все мужское население уходило в повстанческие отряды независимо от возраста, а в боях по защите станиц участвовали женщины и дети. Таким образом, в восстании участвовали, в конечном итоге, гораздо больше ста тысяч человек»²².

Популярности подобного мнения во многом способствует бросающаяся в глаза значительная протяженность территории, охваченной восстанием. «Мало кто знает, что самый масштабный по территории мятеж охватил территорию от степей Казахстана до Северного Ледовитого океана, от Урала до Иртыша – антикоммунистический мятеж возник в Западной Сибири, а именно в Ишимском уезде Тюменской губернии», пишет ишимский краевед²³. Находясь в плену образа массового движения, публицисты обычно игнорируют тот факт, что далеко не все селения принимали активное участие в восстании, а типичной линией крестьянского поведения являлась выжидательная позиция.

Четвёртый образ восстания, постоянно возникающий в текстах публицистов – это образ кровавого события, воплощающего в себе все черты русского «бессмысленного и беспощадного» бунта, во время которого, по выражению Н. Проскуряковой «Мужики в сермягах и мальчишки в шинелях, в основном все с земли этой, беспощадно убивали друг друга. За хлеб»²⁴.

²² Подшивалов И. 2009.

²³ Крамор Г. 2006.

²⁴ Проскурякова Н., Разумов С. 2006.

Самого пристального внимания в текстах публицистов удостоился вопрос о природе и фактах насилия в ходе движения. На сегодняшний день практически все публицисты признают, что жестокость проявляли и представители властей, и повстанцы: «В этом безумии было все – и бессмысленность, и беспощадность. Уничтожали продработников. Топили в проруби учителей. Закалывали вилами и, как в средневековье, рубили головы сочувствующим советской власти. И наказание было соответственным – беспощадным и бессмысленным. Смертные приговоры восставшим крестьянам, уцелевшим после столкновения с регулярными частями командующего Приуральского военного округа Сергея Мрачковского, выносились списками. Крестьян на скорую руку «судили» и в тот же день расстреливали» – указывает в своей статье тюменский журналист²⁵.

В то же время, в публицистике явно преобладает мнение, что повстанцы были спровоцированы на насильственные действия политикой большевиков. В результате возникла ситуация, характерная для российских смут. Вот как её описывает ишимский краевед: «Отец шел на сына, свояк - на свояка. Племянник убивал родного дядю пешней, брат командира повстанческого отряда служил в Красной армии. Жестокость была обоюдной...»²⁶.

Тесно связан с кровавым характером западносибирских событий и следующий образ, широко распространённый в сети – «восстание как трагедия». При использовании образа восстания как трагического события публицисты пишут о самоистреблении народа: «при подавлении восстания погибли около 10 тысяч красноармейцев и работников совпарторганов. Количество убитых крестьян не известно даже приблизительно. Счет шел на десятки тысяч»²⁷. Поскольку в конечном итоге

²⁵ Гольдберг Р. 2006(1).

²⁶ Крамор Г. 2011(2).

²⁷ Рожнов Б. 2002.

жертвой стал весь народ (включая представителей власти), то эта жертва может вполне рассматриваться как искупительная, а значит, нет смысла выяснять, кто был прав, а кто виноват в этих трагических событиях. Такое самоистребление, по мнению публицистов, вызывает к общенациональному примирению: «Трагедия, о которой свидетельствует памятник у деревни Синицыно, кровава. И нет в ней правых, как нет и однозначно виноватых... Меня радует, что... появился памятник крестьянам. Но хотелось бы, чтобы по примеру цивилизованных стран появился в нашем городе общий памятник всем жертвам Гражданской войны. Все они были дети своего времени и своей страны. Хотя и по-разному понимали, что это такое»²⁸.

Ещё один устойчивый образ восстания 1921 г. в Западной Сибири, сложившийся в интернете на основании работ историков-профессионалов, написанных в 1990-е гг., заключается в том, что это восстание стало судьбоносным не только для Сибири, но и для страны в целом. Публицисты гораздо чаще историков могут позволить себе сослагательное наклонение и рассуждения об альтернативах исторического развития. Журналист О. Ожгибесова, развивая высказанную некогда историком В.И. Шишкиным мысль, пришла к выводу что «крестьянское восстание в Западной Сибири представляло исключительную опасность для Советской власти. Оно отрезало европейскую Россию от основного источника продовольственного снабжения, каким в начале 1921 г. являлась Сибирь, поставив тем самым коммунистический режим на край голодной пропасти. Возникла уникальная в российской истории ситуация, когда вопрос о судьбе власти в стране решался не столице, а далекой сибирской провинции»²⁹. Именно в этом контексте западносибирские события приобретают поистине судьбоносное для России значение. «Судьба Советской рес-

²⁸ Гольдберг Р. 2006 (2).

²⁹ Ожгибесова О. 2006.

публики зимой 1921 г. решалась именно в Сибири. о-первых, потому, что от того, насколько успешно будет проведена продразверстка, зависело, сумеет ли Советская власть удержаться в центральных районах страны, где свирепствовал голод. А во-вторых, чтобы остановить вывоз хлеба и предотвратить голодную смерть своих семей, крестьянские повстанческие отряды перерезали железную дорогу и тем самым, по сути, отделили Сибирь от России. Если бы им удалось удержаться, история России могла бы быть совсем иной...»³⁰.

Но, даже потерпев поражение, восстание во многом предопределило судьбу страны. Как отмечает один из публицистов: «Во время Западно-Сибирского восстания, прогремели залпы последней войны между государством и его народом. Государство победило. Наступало царство чиновников, теперь только от них зависела государственная политика. И любой человек, желающий на эту политику повлиять, должен был, прежде всего, стать чиновником, без этого его влияние было равно нулю. [Государство] могло распоряжаться народом по своему усмотрению, не опасаясь встретить массового отпора. Но у этой победы была обратная сторона. Государство оказалось беззащитно перед чиновником и пало, в конце концов, преданное им»³¹.

Подчёркивая значительную роль Западно-Сибирского восстания в истории страны, публицисты не забывают и о том, что оно оказало поистине роковое воздействие на судьбы десятков, если не сотен тысяч людей. В этой связи можно выделить в целом ряде работ образ восстания как рокового события. Публицисты единодушны в том, что восстание в Западной Сибири прямо или косвенно искалечило судьбы многих людей. Уже в период восстания только со стороны повстанцев погибло в боях, умерло от ран и было расстреляно примерно 30–40 тыс. человек. Заслуживает внимания тот

³⁰ Ожигбесова О. 2007.

³¹ Рудис И. 2009.

факт, что потери со стороны сторонников большевистской власти редко принимаются публицистами во внимание, хотя некоторые из них оценивают эти потери примерно в 10 тыс. человек³².

Сразу за восстанием последовал период голода в Западной Сибири, кроме того многие селяне были в той или иной мере наказаны властями за участие в движении. Даже принадлежность к семье участников движения при определенных обстоятельствах могла оказаться поводом к преследованию со стороны государства, а непосредственное участие обрекало людей на репрессии. Вплоть до конца 1930-х гг. люди могли быть осуждены за участие в восстании 1921 г. Как отмечает тюменский журналист, «немалое число «рядовых участников бандвосстания»³³ было отпущено по домам — надо же было кому-то и хлеб сеять... А немного погодя, в связи с десятилетним юбилеем Октябрьского переворота, оставшиеся в живых даже были амнистированы. Амнистированы, но на учете крестьяне остались. И этот глубоко врезавшийся в них крючок учета помог властям, когда пришла пора сплошной коллективизации. Вдумаемся: в 1921 г. изъятие хлеба подняло мужиков на восстание. А в 1929-м, когда обобществляли землю, сельскохозяйственный инвентарь, скотину, словом, отбирали практически все имущество, когда раскулачивали и ссылали вместе с детьми на Север, громких протестов практически не было. Учеты двадцатых годов пригодились и в конце тридцатых. Для тысяч крестьян... аграрного юга Западной Сибири строчка «участник бандвосстания» в архивном деле стала приговором. Но сломленная еще в 1921 г. воля вынуждала покорно принимать удары судьбы — будь то выстрел в затылок, либо многолетняя каторга в одном из подразделений ГУЛАГа»³⁴.

³² Рожнов Б. 2002.

³³ Так в тексте — Д. Б.

³⁴ Гольдберг Р. 2006 (1)

Последний из восьми наиболее ярких образов восстания, используемых публицистами в Интернете можно определить, как «образ памятного события». Необходимо отметить, что в рамках темы Западно-Сибирского восстания 1921 г. сегодня публицисты гораздо активнее профессиональных историков занимаются проблемой коллективной памяти, прибегая к воспоминаниям очевидцев там, где историки привычно стремятся найти архивные документальные свидетельства.

Под влиянием работ французского историка Пьера Нора историю и память в исторической литературе стали противопоставлять³⁵. Однако, по меткому замечанию редколлегии журнала *AB Imperio*, в посткоммунистических странах «историки адаптировали концепт памяти к собственным целям и задачам... С одной стороны, память представляется как область интимного когнитивного опыта. Особенно актуален этот взгляд в культурном контексте постсоветской Восточной Европы и бывшего СССР. Официальная история здесь была спущенным сверху нарративом, жестко подчиненным доминантной идеологии. Отношение к этой истории людей постсоветской эпохи можно выразить одной фразой: «нам вралли». Память представляется аутентичным переживанием исторического опыта, в котором рассказывается правда и который приближен к реальности человеческого бытия – в ней раскрывается не высокая идеология или политика, но повседневный опыт жизни людей обычных и не совсем. Таким образом, в постсоветской ситуации память становится не просто альтернативой «науки истории» – она сама выступает как «истинная история»³⁶.

Использование «устной истории» как метода освобождения коллективной памяти, несомненно, представляет собой ценный вклад в реконструкцию западно-

³⁵ О соотношении истории и памяти см. *Nora P.* 1989.

³⁶ *Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семёнов А.* 2004. 13-14.

сибирских событий. Беседы с немногочисленными очевидцами и многочисленными родственниками участников восстания, позволяют понять, насколько актуальным это прошлое остаётся для тех, кто живёт в регионе, некогда охваченным восстанием. Вот что пишет журналистка, инициировавшая съёмки документального фильма о восстании: «несмотря на то, что Советская власть просто-напросто вычеркнула Западно-Сибирское восстание из анналов истории, жители сел и деревень до сих пор помнят события тех дней со слов кто – родных, кто – соседей, кто – непосредственных участников событий, Удивительно, но еще живы свидетели... Память народная оказалась сильнее официальной советской идеологии... Отношение к событиям тех далеких дней неоднозначно. Иначе и быть не может; до сих пор в сибирских деревнях косо смотрят друг на друга потомки повстанцев и коммунаров»³⁷.

Образ восстания как памятного события содержит, по крайней мере, ещё две составные части – это затрагиваемые публицистами в Интернете вопросы о назидательности этих событий для потомков и о посмертной справедливости по отношению к повстанцам. Первый из этих вопросов публицисты разрешают единодушно и просто: сегодняшним россиянам, а особенно лицам, наделенным властью, необходимо извлечь урок из событий 1921 г., чтобы не допустить их повторения³⁸.

Правда, назидательным уроком может являться не только сохранение гражданского мира и стремление к избеганию насилия, но и умение прибегнуть к протесту в случае необходимости. Западная Сибирь иногда рассматривается публицистами, как территория, наполненная «местами памяти» о традиции протеста. Такие места могут быть связаны с национальными героями коренных народов, старообрядцами, участниками Пугачёвского бунта, ссыльными и каторжанами. Н. Проскурякова,

³⁷ *Ожигбесова О.* 2007.

³⁸ *Нигматуллин Р.* 2012.

например, выстраивает образ восстания как памятного события через его символическую преемственность с другими событиями, происходившими в Тюменской области: «на территории нашей области вспыхивало еще одно крестьянское восстание. Было это еще при Петре Первом, в 1714 г., и возглавлял его Иван Заматоха. Примечательно, что, как утверждают краеведы, вспыхнуло оно тоже в селе Чуртан Викуловского района. Или действительно история повторяется. Или, похоже, бунтарские это места»³⁹.

Вопрос об исторической справедливости по отношению к погибшим повстанцам остаётся достаточно острым, несмотря на призывы властей и публицистов к примирению. Дело в том, что до начала 2000-х увековечены через создание определённых «мест памяти» были только погибшие коммунисты и красноармейцы, а погибшим повстанцам, по образному выражению писателя М. Шангина, не досталось «ни креста, ни камня». В постсоветский период, в результате переосмысления истории восстания, потомки тех, кто воевал на стороне повстанцев, также получили возможность почтить память своих предков. Ишимский краевед Г. Крамор даёт очень эмоциональное описание такого акта: «...могила Петра Шевченко затерялась среди безымянных холмиков на кусерякском кладбище. Его праправнучка Света Шеповалова, ученица 5-го класса одной из ишимских школ, впервые положила цветы в его память к мемориалу в центре города. Сделать это открыто, не боясь стать "врагом народа", стало возможно только через три поколения...»⁴⁰.

³⁹ *Проскурякова Н., Разумов С.* 2006. Согласно канонической советской версии истории Западно-Сибирского восстания, оно началось 31 января 1921г. в селе Чуртан Викуловского района. На сегодняшний день историками установлено, что наряду с этим существовали еще несколько очагов восстания.

⁴⁰ *Крамор Г.* 2006.

Память, однако, обладает как созидательным, так и разрушительным потенциалом. В первом случае является основой для общенационального примирения. Во втором – катализатором реваншистских или экстремистских устремлений, направленных на преодоление тяжёлой социально-психологической травмы через символическое возрождение контекста «той единственной гражданской» для сведения счётов с воображаемым противником.

В этом смысле интерес анализ пятого пласта материалов Интернета по истории восстания 1921 г. Он показывает, что до сих пор во всех уголках России, а не только Западной Сибири люди помнят, по какую сторону баррикад находились их предки во время Гражданской войны.

Именно восприятие сибирского восстания, как «памятного события» сильнее всего апеллирует к личному опыту человека, ассоциируясь с рассказами очевидцев или непосредственным соприкосновением с местами и предметами, имеющими отношение к движению. Неслучайно значительное количество сообщений на форумах и в блогах так или иначе привязаны к малой родине или семье пользователя. Как следствие этого – эмоционально окрашенный характер дискуссии. Складывается впечатление, что для многих участников обсуждения, Гражданская война не закончена. Они готовы бескомпромиссно бороться за свои убеждения и ценности, рассматривая своих оппонентов как врагов, а свои дискуссии как информационные, или точнее дискурсивные, войны за историю.

Если провести анализ суждений, высказываемых пользователями интернета по поводу истории Западно-Сибирского восстания на предмет применяемых идеологем, то можно выделить шесть основных типов участников «информационных баталий»: «любители истории», «либералы», «левые», «правые», «сибирские сепаратисты» и «анархисты».

В то время как в блогах и на собственных сайтах все указанные категории пользователей отчетливо заявляют о своей позиции, на форумах существуют ещё так

называемые «тролли» (от англ. «to troll» – «ловить рыбу на блесну»), люди, высказывающие заведомо неприемлемую для кого-то из собеседников точку зрения и провоцирующие других участников обсуждения на конфликт с какой-либо целью (например, самоутверждение). Для нашего исследования не принципиально, выражает ли пользователь свои настоящие взгляды или является «троллем», т.к. в фокусе нашего внимания находятся не акторы, а производимые ими дискурсы.

Первая, самая многочисленная группа – это «любители истории», они, как правило, изначально не имеют четких идеологических предпочтений. И относятся к аудитории, которая следит за ходом дискуссии, иногда задает вопросы и склоняется в пользу той или иной идеологической позиции. Если этого не происходит, то «любитель истории» вынужден покинуть данный ресурс, поскольку не желает участвовать в «боевых действиях», а интернет-сообщество на форумах часто не приемлет политической нейтральности.

В качестве иллюстрации этого тезиса приведём два примера. Инициатор создания вышеупомянутой группы по обсуждению Западно-Сибирского восстания «ВКонтакте», выступающий под «ником» Евгений Козел⁴¹ сразу же был «атакован» пользователем «Товарищем Петровым», судя по «нику» и высказываниям, придерживавшимся коммунистических взглядов. «Товарищ Петров» заявил, что идея создания группы – это «бред Новодворской», ее цель направлена на то, чтобы «всколыхнуть свободолюбивые настроения сибиряков, распространить идеи независимости Сибири». В результате Евгений Козел был вынужден более отчетливо сформулировать цели группы. Проясняя свою позицию он, указал, что не является сторонником независимости Сиби-

⁴¹ Поскольку установить идентичность пользователей Интернета достаточно проблематично, мы будем рассматривать всех, кто участвовал в создании пятого пласта информации о восстании как анонимов, использующих «*nicknames*» – прозвища, псевдонимы.

ри. После этого каких-либо обсуждений не проводилось, энтузиазм инициатора группы закончился, и она «ВКонтакте» не прижилась⁴².

Другой пример представляет собой фрагмент обсуждения восстания на ишимском форуме. «Любитель истории» под «ником» «*tatyana7*», малосведущая в данной теме, высказала «наивное» суждение и была тут же подвергнута воспитательному воздействию со стороны либерально настроенного пользователя под «ником» «*ivanych51*». Цитируем, сохраняя орфографию и пунктуацию оригинала: *tatyana7*: «Из всего что тут я прочитала, я поняла, что совсем не знаю фактов, подтверждающих восстание крестьян. И есть факты, подтверждающие организованность и обеспечение банд, зверство за потерю нажитого трудом бедняков. Восстали большие семейства кулаков, на которых работали целые деревни «забитых» бедняков, которые вкалывали от зари до зари за кормежку и поколениями не в состоянии были подняться из нищеты». Ответ *ivanych51*: «*tatyana7* Почитай-те архивы Ишимского восстания... Они открыты... Вот этот... Инденбаум, когда получил информацию о том, что продразвёрстка в нашем уезде выполнена на 104 процента, решил перед...(ну сами понимаете) вытрепнуться... и послал ещё "добрать... Я ранее и не знал, что продразвёрстка ограничивается зерном... Нет... Гребли всё... Что можно... Насиловали. Убивали. В эти команды включались самые подонковые нелюди... Почитайте... Волосы встают дыбом, как относились наши люди к нашим... Даже родственникам... Всё - не могу!!!»⁴³.

В то время как «любители истории» тщетно пытаются сохранить нейтралитет, пять остальных групп производят хорошо атрибутируемые политические дис-

⁴² Группа *Западно-Сибирское восстание 1921–1922 гг. ВКонтакте*. 2009. Хотя последнее сообщение появилось в этой открытой группе в 2011 г., всего в группе менее десяти участников и примерно столько же сообщений.

⁴³ Стиль и пунктуация авторов сохранены.

курсы, конфликтующие между собой по ряду позиций. В результате возникает явление, которое можно обозначить как «виртуальная гражданская война». Одной из неотъемлемых ее черт можно считать увязывания спора о прошлом с текущими политическими реалиями. В ходе этих полемик в той или иной мере пользователи задействуют все образы Западно-Сибирского восстания 1921 г., фигурирующие в публицистической литературе. Однако, отношение к этим образом в интернет-сообществе далеко неоднозначное.

Первым камнем преткновения в он-лайн спорах является как раз вопрос о степени организованности восстания, а, следовательно, о его характере. Примером консервативной позиции левого толка, в основе которой лежит мифология советского «историографического канона», является пользователь с «ником» *Afanasyev*. В своем послании он отождествляет либеральных историков и своего оппонента: «Мне ясно, что имело место «организация и руководство извне». Какое там восстание? Организованные кучки врагов, используя и деньги интервентов, в том числе, пользуясь сложным положением (в т.ч. голод) государства, вызванным гражданской войной, насильно сгоняли в банды крестьян. К колеблющимся применялись репрессии, вплоть до зверских убийств»⁴⁴.

Afanasyev столь же эмоционально оппонировал пользователь под «ником» *ivanych51*, разделяющий либеральные идеологемы и придерживающийся антикоммунистических взглядов. Необходимо отметить, что антикоммунизм данного пользователя зиждется на личных переживаниях: «Мне мать и тётка рассказывали... Пришли... Забрали всё... Даже зёрнышка не оставили... Дед с ума сдвинулся... Бабушка пошла с детьми по миру... Моя мать оказалась в Ишиме... Путь её трудный... Магнитка... Нижний Тагил... А Инденбаума убили... Просто... Крестьяне... Туда ему и дорога... Неужели ещё и памятник сто-

⁴⁴ Там же. Стиль, орфография и пунктуация автора сохранены.

ит»???⁴⁵. По мнению «либералов», восстание возникло стихийно, став результатом как политического и экономического курса большевиков, так и произвола местных властей при реализации продовольственной диктатуры.

Идею о том, что восстание возникло стихийно, как следствие борьбы крестьянских масс против государственного принуждения поддерживают и сторонники «анархистского» направления, и сторонники «сибирского сепаратизма»⁴⁶. В повстанцах они видят воплощение свободолюбия русского народа (или, соответственно, сибирского). Что же касается «правого» направления, то здесь в зависимости от политических взглядов, существует разброс мнений по поводу организованности восстания: от стихийного взрыва народного гнева, вызванного тиранией большевиков, до блестящей операции по организации сопротивления Советской власти, проведенной офицерами Белой гвардии. Надо отметить, что среди представителей «правого» направления есть не только умеренные националисты и сторонники «белого дела»,⁴⁷ но и неонацисты различных толков, рассматривающие Западно-Сибирское восстание как пример борьбы «русских ариев» против «власти жрецов Люцифера».⁴⁸

Другой важной темой, вызывающей дискуссии, является проблема сопротивления деспотизму и угнетению, актуальная для российской истории. Так либерально настроенный блогер А. Черемных использует историю Западно-Сибирского восстания 1921 г. в качестве аргу-

⁴⁵ Там же. Г. С. Инденбаум – губпродкомиссар Тюменской губернии, жесткими мерами обеспечивший выполнение продразверстки. Погиб во время восстания при невыясненных обстоятельствах – в советское время утверждалось, что он был убит повстанцами, а сейчас А. А. Петрушин выдвинул гипотезу, что Инденбаум пал жертвой чекистской провокации. См. *Петрушин А. А.* 2005.

⁴⁶ *Блог пользователя yaroslavz.* 2010.

⁴⁷ *Блог пользователя slovenorus.* 2011.

⁴⁸ *Петров Л.* 2014.

мента против точки зрения о том, что *"У русских вообще нет опыта борьбы как народа, а не как государства"*. Опираясь на работы историка Н. Г. Третьякова, Черемных указывает, что западносибирское крестьянство продемонстрировало значительную волю и способность к самоорганизации (более половины командиров повстанческих отрядов были из местных крестьян, причём милиционно-территориальная система формирования отрядов, принятая восставшими при организации своих сил обеспечивала значительно широкое участие населения в принятии решений – в итоге, командирами избирались наиболее авторитетные и известные населению люди)⁴⁹.

Эту же тему, несколько в ином контексте, развивает другой блогер-либерал – О. Букин. По его мнению, повстанцы были не чужды либеральной риторики: «Недавно в мои руки попали копии документов, хранящихся в архиве. Это листовки, которые напечатали повстанцы в захваченной ими типографии. Пару таких листовок я сегодня публикую. Они меня очень удивили. Особенно та, в которой речь идет о свободе слова. Я, конечно, и раньше слышал, что крестьяне воевали и за свободу слова тоже, но относился к этим лозунгам как к неким общим фразам, стоящим для виду в ряду требований и деклараций на каком-то там предпоследнем месте. Но когда я встретил вот это подлинное свидетельство времени, то совсем по-другому ощутил смыслы той эпохи: крестьяне действительно верили в свободу слова и, судя по всему, считали её условием других свобод... Пусть свобода и права человека станут для нас завещанием. Завещанием наших дедов. У них не получилось отстоять свободу, так давайте же мы её отстоим. Мирными и законными средствами»⁵⁰.

В тоже время, у представителей правого течения, придерживающихся монархических взглядов, вызывает сомнение способность крестьянства к сопротивлению

⁴⁹ Черемных А. 2013. Курсив наш –Д.Б.

⁵⁰ Букин О. 2011.

большевикам и борьбе за европейские ценности. По мнению одного из них, крестьянство вообще и западно-сибирское в частности, отличалось узостью мышления и не видело дальше своей околицы. «Когда речь идёт о народных восстаниях 1921 – 1922 гг., возникает вопрос: где были сибирские, а также тамбовские и др. крестьяне, когда с большевистскими ублюдками сражались воины Белых армий Колчака, Корнилова, Деникина? К сожалению, большинство либо не участвовали в «гражданской» войне либо были на стороне красных сволочей... Если бы в 18-19 гг. белогвардейцев активно, с оружием в руках поддержало большинство крестьянства, исход «гражданской» войны мог бы быть иным. В 21-м же году, когда организованное сопротивление наших войск было разгромлено, время было уже упущено»⁵¹.

Таким образом, пятый информационный пласт представляет собой пространство, где, Интернет-пользователи, не скованные научной и журналистской этикой, ведут борьбу с политическими оппонентами. Они умело используют преимущество относительной анонимности. При всей кажущейся хаотичности, эта среда постепенно приобретает определенную структуру.

Во-первых, как бы не отличалась интерпретация западносибирских событий, ее фактографическая составляющая часто восходит к положениям доминирующего в отечественной историографии либерального течения, усвоенного пользователями посредством интернет-ресурсов.

Во-вторых, блогосфера и форумы становятся все более однородными, пользователи, разделяющие определенные политические взгляды, предпочитают возвращаться в свое сообщество. Во многом это связано с тем, что «виртуальная Гражданская война» изматывает участников и не знает ни победителей, ни побежденных. Никто из оппонентов обычно не признает правоту противоположной стороны, какими бы серьёзными не казались аргументы.

⁵¹ Блог пользователя *slovenorus*. 2011. Лексика, орфография и пунктуация автора сохранены.

Особый интерес для нас представляет своеобразная «обратная связь» – мнения интернет-сообщества об исследованиях историков по данной проблематике. Специфика этих воззрений состоит в том, что они носят в основном критический характер. Фигура историка вызывает интерес участников форумов, прежде всего тогда, когда они с ним не согласны. Причем, в силу того, что ведущие историки-специалисты по Сибирскому восстанию отождествляются с либеральным дискурсом, они также начинают восприниматься участниками «виртуальной гражданской войны» либо как противники, либо как союзники. Так, упоминавшийся нами *Afanasyev*, на одном из форумов яростно отстаивал основные положения советской историографии о том, что восстание было подготовлено эсерами и колчаковскими офицерами. Характерно, что его возмущал сам факт ревизии либерально настроенными историками советской концепции восстания. Эта ревизия носила, по его мнению, конъюнктурный, «заказной» характер и явно грешила против истины: «Большевики силой забирали излишки зерна, чтобы накормить голодающих в России, а не для себя, чтобы купить в Лондоне очередную яхту и виллу!!! Сейчас Вам дали команду называть это восстанием. Что будете делать после надвигающегося (в т.ч. по вашей вине) настоящего восстания? Расскажите людям как «восставшие крестьяне», в Ишиме, двуручной пилой распилили живьем учительницу О. Корякину. В чем она была виновата. Учила не демократично, то-бишь не учила воровать? Спросите у ее родственников, проживающих ныне в Ишиме! За "косточку" готовы оболванивать граждан»⁵².

Историки подвергаются критике и за игнорирование хорошо известных опубликованных ранее свидетельств. Например, некоторых пользователей Рунета возмущает то, что некогда авторитетные документы ныне сбрасываются со счетов. Так, пользователь *Владимир Рабе*, пишет: «В с. Ярково арестованных коммунистов вначале подвергли избиению, затем провели в куз-

⁵² Форум сайта «В Ишиме.ру». 2011.

ницу, раскалили в горне пики, посыпали их толченым стеклом и пронзили ими тела арестованных» (Бюллетень Тюменского губкома РКП(б). № 9-10, 1921 г. стр.6) Это не тетя Маня сказала тете Клане у колодца. Это жесткий язык документов. Краеведы их конечно читали. Но эти строки не вписываются в формат их исследований. Не современно»⁵³.

Другой участник дискуссии, использующий псевдоним «*aleksandri*», отмечает, что стремление историков (и особенно краеведов) подчеркнуть особую значимость местных событий не всегда оправдано: «...мятежи тогда шли по всей стране, от западных границ до восточных окраин. Меня всегда удивляло, что местные историки в любой из губерний всегда пытались обозвать события 20 – 21 гг. каким-то своим особенным местным восстанием. Это было общероссийское событие, хотя и ввиду медленности коммуникаций в те времена мятеж распространялся не очень быстро и возникал не одновременно в разных местах. Но коренной причиной мятежа была смена общественного строя. Все, что было потом, вся эта мясорубка, являлось уже только следствием. Героев там не было, была только борьба за власть, неизбежно сопровождающая смену общественных формаций. ИМХО⁵⁴, все эти памятники "героям" с обеих сторон — лишь способ укоренения власти каждой из противоборствующих сторон. Это надо изучать, да, и хранить память обо всем этом. Но не с целью нагромождения уродливых памятников и спора о том, кто виноват, а с целью уберечь страну от новых катаклизмов»⁵⁵.

Ещё одно критическое замечание, высказывает в адрес доминирующего течения в историографии блогер С. Рошаль. Он затрагивает проблему выхода из револю-

⁵³ Там же.

⁵⁴ ИМХО — используемая в Рунете русифицированная версия английского апокрифа ИМНО (*In my humble opinion* — по моему скромному мнению).

⁵⁵ Там же.

ционного хаоса и установления государственного порядка: «...неправильно рассматривать вопрос в ракурсе и терминологии одной стороны, которая навязывает политически мотивированную трактовку событий. А она проста: *«Большевики жестоко подавили справедливый протест крестьян на грабительские продовольственные реквизиции»*. Для более-менее объективного анализа необходимо учитывать контекст, суть событий, географию, количество участников и жертв, последствия, репрессии. Конечно, центральной причиной «крестьянской войны» были реквизиции продовольствия. Однако я не понимаю, почему сам факт реквизиций сегодня кого-то возмущает. Государство никто не отменял. Крестьянин как природное явление, разумеется, понять реквизиции не мог. Да его никто и не упрекает»⁵⁶. Другими словами, то, что произошло – должно было произойти, восстание вытекало из логики событий.

Рошаль вторит один из комментаторов его блога с очень показательным «ником» *«Nestalin Nejosef»*: «Представим себе ситуацию, когда большевики не взяли власть, а у власти оказались бы эсэры. Я думаю они устроили бы такую кровавую баню, что большевикам и не снилось бы, все таки они до революции крови намного больше пролили и за свою власть держались бы крепко, а крестьянский вопрос им пришлось бы решать, если не через колхозы, а используя кулаков, что все равно бы привело к «Вандее»»⁵⁷.

Впрочем, критические замечания, уходящие корнями в ранее доминировавший историографический дискурс не меняют картины в целом. Анализ Интернет-контента по узкой теме позволяет сделать вывод, что в массовом сознании через посредство публицистов утвердился набор образов, вытекающих из работ историков доминирующего в историографии направления.

⁵⁶ Рошаль С. 2013. Курсив наш – Д.Б. Лексика, орфография и пунктуация авторов сохранена.

⁵⁷ Там же.

В то же время, благодаря, этому посредничеству, дистанция между профессиональным историческим сообществом («экспертами, производящими знания») и пользователями интернета не только не сократилась, но и постепенно увеличивается, по мере того, как на смену людям, получившим образование в СССР приходит молодое поколение.

Жаркие словесные баталии по проблемам Западно-Сибирского восстания в блогах и на форумах не внесли на сегодняшний день существенного вклада в развитие историографии. Работы историков, задали направление эволюции массового сознания, но в силу того, что научное сообщество и массы говорят на разных языках дальнейшего развития оно пока не получило. Характерно, что никто из ведущих историков, специализирующихся в изучаемой нами теме не пишет текстов для Интернет-ресурсов, а пользователи Интернета, читающие серьезные исторические работы встречаются крайне редко.

Отнюдь не случайным является, поэтому, обилие мифологем, выделенных нами в массовом сознании. Можно согласиться со словами Л. П. Афанасьевой: «Интернет, не знающий цензуры, обеспечивает миллионы людей информацией сомнительного во всех смыслах качества. Интернет зачастую становится проводником скорее невежества, нежели просвещения»⁵⁸.

Зафиксированные нами тенденции, несмотря на то, что они выявлены на ограниченном материале, свидетельствует о необходимости решения, как минимум, двух задач. Первое: проведение научной рефлексии над контентом, возникающим по поводу исторических событий. Второе: производить качественный интернет-контент чтобы изучающее историю молодое поколение, для которого виртуальная реальность является естественной средой обитания, смогло получить научные знания и адекватные ценностные ориентиры. Именно сегодня историкам необходимо перехватить инициативу у публицистов и освоить пространство интернета. Как заметил П. Бурдье, в поле

⁵⁸ Афанасьева Л. П. 2003, 182.

социальных наук идет постоянная политическая борьба за научное доминирование и победителями из нее выходят те, «кому удастся навязать такое определение науки, согласно которому наиболее полноценное занятие наукой состоит в том, чтобы иметь, быть и делать то, что они имеют, чем они являются или что они делают».⁵⁹ Представляется, что пришло время создания профессионального исторического Интернет-сообщества, т.к. даже формирование образов прошлого слишком серьезное дело, чтобы оставлять его публицистам.

Литература

- Афанасьева Л. П.* 2003: Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Новый исторический вестник. 9, 182-212.
- Блог пользователя slovenorus.* 2011: Режим доступа: slovenorus14.livejournal.com/ 29.03.2014.
- Блог пользователя yaroslavz.* 2010: Режим доступа: <http://www.volgota.com/yaroslavz/sibirskoe-vosstanie-1919-1921> 29.03.2014.
- Букин О.* 2011: Памяти Западно-Сибирского восстания 1921-1922гг. // Эхо Москвы. Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/blog/oler/746085-echo/> 25.03.2014.
- Бурдые П.* 2002 (1): Поле науки. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.-СПб.
- Бурдые П.* 2002 (2): О телевидении и журналистике. М.
- Геллер М. Я., Некрич А. М.* 1995: Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 до наших дней. В 3-х кн. Кн. первая. Социализм в одной стране. М. 1995.
- Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семёнов А.* 2004: Есть ли у империи «память»? Приглашение к дискуссии // АВ IMPERIO. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 1. 11-19.
- Гольдберг Р.* 2006(1): Эхо восстания //Тюменский курьер. 13. Режим доступа: <http://a-pesni.narod.ru/grvojna/makhno/rebels/ehovosst.htm> 12.12.2013.

⁵⁹ *Бурдые П.* 2002 (1). 90.

Гольдберг Р. 2006 (2): Мертвые сраму не имут // Тюменский курьер. 69. Режим доступа: <http://a-pesni.narod.ru/grvojna/makhno/rebels/mertv1921.htm> 12.12.2013.

Группа по обсуждению Западно-Сибирского восстания // ВКонтакте. Режим доступа: http://vk.com/topic-10979750_21416596. 29.03.2014.

Западно-Сибирское восстание. 1921-1922гг. 2014; // Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Западно-Сибирское_восстание_1921-1922. 12.02.2014.

Западно-Сибирское восстание. 2000: // Современная энциклопедия. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/18346> 12.11.2013.

Зими́на Л. В. 2002: Интернет или сетевые технологии культурной памяти // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2, 64-75.

Золотухин А. А. 2010: О «сверхпублицистичности» публицистики. К проблеме онтологии публицистического текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. 1, 134-145.

Илларионов А. 2012: Силовое сопротивление граждан бандитскому режиму// Живой журнал. Режим доступа: aillari-onov.livejournal.com/419213.html? 08.11.2013.

Крамор Г. А. 2006: Мы потеряли крестьян, любящих свою землю... // Тюменские известия. 107. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-sinic.php> 08.11.2013.

Крамор Г.А. 2011(1): Мятеж в документах // Ишимская правда. 23-24. Режим доступа: <http://ershov.ishimkultura.ru/events.php?id=199>. 23.03.2014.

Крамор Г.А. 2011 (2): Правда на правду. Ишимская правда. 11. Режим доступа: <http://russned.ru/istoriya/abpravda-na-pravdu-bb-k-90-letiyu-zapadno-sibirskogo-vosstaniya> 08.11.2013.

Кузнецов И. Н. 2003: Отечественная история. Учебник. М.

Купина Н. А. 2000: Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем //Русский язык сегодня. М.

Курьшев И. В. 2001: Крестьянское восстание 1921года в Ишимском уезде: облик и поведение участников // Коркина слобода. Историко-краеведческий альманах. Вып.3. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-krest1921.php> 10.11.2013.

Магид М. 2003: За Советы без коммунистов: антибольшевистское повстанческое движение в русской революции. Режим до-

ступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-antibolch.php#2>
08.11.2013.

Низматуллин Р. 2012: «Кулацко-эсеровский мятеж 1921 г.» – как это было // Югра-информ 20.11.2012. Режим доступа: <http://www.ugrainform.ru/materials/ugra/37600/> 24.12.2013.

Ожигбесова О. 2006: Неизвестная война 1921 года. Вопрос о власти решался в Сибири? // Аргументы и факты в Западной Сибири. 26. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/Makhno.php> 08.11.2013.

Ожигбесова О. 2007: 21-й. Как это было? // Тюменский эфир. 12. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-21.php>. 10.11.2013.

Петров Л. 2014: А в комнатах наших сидят комиссары. Режим доступа: <http://levpetroff.livejournal.com/36358.html>. 30.03.2014.

Петрушин А. А. 2005: Хлебное место // Тюменский курьер. 89-90, 93-94. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-hlebnmesto.php> 10.11.2013.

Проскурякова Н., Разумов С. 2006: Бунтарские места // Тюменские известия. 18. Режим доступа: <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-buntmesta.php> 10.12.2013.

Подшивалов И. 2009: Сибирский Кронштадт. Режим доступа: <http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/28-1-0-1304> 21.12.2013.

Рошаль С. 2013: Крестьянская война против России // Дилетант.10. Режим доступа: <http://www.diletant.ru/blogs/697/7051/> 26.03.2014.

Рожнов Б. 2002: Неизвестное восстание // Аргументы и факты. Режим доступа: http://gazeta.aif.ru/online/longliver/7/17_02 09.11.2013.

Рудис И. 2009: Западно-Сибирское восстание 1921г. // Вечерний гондольер. 164. Режим доступа: http://gondolier.ru/164/164irudis_1.html. 09.11.2013.

Тетеревлева Т., Реут О. 2011: История в российском сегменте Интернета: репрезентация и достоверность // Вестник Института Кеннана в России. 20, 63 – 68.

Третьяков Н. Г. 2011: Состав руководящих органов Западно-Сибирского восстания 1921 г. // История Сибири Хрестоматия (Г. А. Порхунув, Е. Е. Воложанина, К. Ю. Воложанин ред.). Режим доступа: <http://historylib.org/historybooks/Istoriya-Sibiri-KHrestomatiya/49> 10.11.2013.

Форум сайта «В Ишиме.ру».2011: Режим доступа: <http://www.vishime.ru/blogs/2011/03/09/k-90-letiyu-krestyanskogo-vosstaniya-v-ishimskom/> 25.03.2014.

Черемных А. 2013: Об одном опыте борьбы русского народа. Режим доступа: <http://alexsrb.livejournal.com/145618.html> 10.11.2013.

Шишкин В. И. 2000: К вопросу о новой концепции Западно-Сибирского мятежа // Сибирская заимка. Режим доступа: <http://zaimka.ru/power/shishkin4.shtml> 24.12.2013.

Шишкин В. И. 2002: Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Сибирская заимка. Режим доступа: <http://zaimka.ru/shishkin-rebellion>. 09.11.2013

Шматко Н. А. 2002: Предисловие. Блеск и нищета масс-медиа. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmtako-predislovie-blesk-i-nishheta-mass-media> 19.03.2014.

Шулдяков В. А. 2002: Кокчетавская страница Западно-Сибирского восстания 1921года // Сибирский казак. Режим доступа: http://ka-zak.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26&Itemid=105, 14.12.2013.

Nora P. 1989: Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Special Issue: Memory and Counter-Memory.1989. Vol. 26. P.7-24.